

Вячеслав Иванов – Мартин Бубер – Габриэль Марсель: у основ персоналистической рефлексии (концепт Я-Ты отношение)

Vyacheslav Ivanov – Martin Buber – Gabriel Marcel: at the root of personalistic philosophy (the concept of «I-Thou relationship»)

MARIA SYMBORSKA-LEBODA, *Maria Curie-Skłodowska University*
mcsymborska-leboda@o2.pl

Received: October, 20 2019.

Accepted: December, 15 2019.

АННОТАЦИЯ

В основе статьи положена бахтинская идея о «наращивание контекста» и ее продуктивном значении для диалогической интерпретации текстов с открытой смысловой структурой. В качестве контекста для понимания Я-Ты отношения у Вяч. Иванова выбираются произведения Мартина Бубера (*Я и Ты, Диалог, Затмение Бога, Проблема человека*) и Габриэля Марселя (*Метафизический дневник, Быть и иметь, Замечания о современной иррелигиозности*) – философов, с кем русского поэта соединяли близкие, личные и мировоззренческие связи, родственная, превосходящая их мышление, трактовка категории *Ты*. Основным же исследовательским материалом и отправной точкой сопоставления послужила статья Вяч. Иванова 1934 г. *Размышления об установках современного духа*. Ее контекстуальная интерпретация позволила выявить «параллелизм смыслов» и аналогии в концептуализации человеческой личности и мышлении о ценностях у трех близких друг другу мыслителей; проблема духовного бытия личности рассматривается у них в аспекте бедствий угрожающих человеку в мире, в котором иррелигиозность и «духовная слепота» приводят к ослаблению Я-Ты отношения в трех сферах его существования: индивидуальной, социальной и метафизической.

Ключевые слова: Вяч. Иванов, М. Бубер, Г. Марсель, Я-Ты отношение, персоналистическая концепция человека.

ABSTRACT

The methodological instrument used in the present article is Bakhtin's idea of «accumulation of context» and its significance for the dialogical interpretation of texts with an open semantic structure. As a context for the understanding of the I-Thou relationship, Vyacheslav Ivanov used the works of Martin Buber (*I and Thou, Dialogue, Eclipse of God, The Problem of Man*) and Gabriel Marcel (*The Metaphysical Journal, Being and Having, Some Remarks on the Irreligion of Today*) – philosophers with whom the Russian poet was bound by close personal and ideological ties, including the similar understanding of the category of *Thou*, anticipating their personalistic thinking. When it comes to Vyacheslav Ivanov, the essential research material in the present work was this poet's article from 1934, *Discorso sugli orientamenti dello spirito moderno*. Contextual interpretation of the text made it possible to show parallels and analogies in the philosophical conceptualisation of the human person in the three thinkers; the person perceived from the point of view of spiritual threats in the world in which irreligion and «spiritual blindness» lead to the weakening or destruction of the I-Thou relationship in three spheres of human existence: individual, social and metaphysical.

Keywords: Vyacheslav Ivanov, Martin Buber, Gabriel Marcel, «I-Thou relationship», the personalistic concept of man.

«Личность допускает лишь соотношение,
как встречу и общение.»
(Бердяев, 1939: 35)

«Для художественного воплощения двух
миров – земного и сверхземного –
напрашивается форма диалога,
спора.» (Иванов, 1979: 447)

Проблема личности и становления человека личностью есть кардинальная проблема русской философской мысли серебряного века, а также философии русской эмиграции. Прочитированные слова Николая Бердяева – это фрагмент его размышлений из книги *О рабстве и свободе человека*, 1939 г., т.е. эмиграционного периода. Конечно, в это время Бердяев на Западе был уже хорошо известен и знаком (об этом свидетельствуют его прямые отсылки) с западной персоналистической рефлексией, а именно Мартина Бубера (его книга *I und Du – Я и Ты* вышла в 1923 г.), Габриэля Марселя (его *Метафизический дневник* писался в 1918-1928 гг., в том числе книга *Быть и иметь*), с экзистенциальной мыслью Хайдеггера и др. Однако проблема личности появляется у Бердяева уже в русский «модернистский» период, например, в статье 1908 г. *Католический модернизм и кризис современного сознания*, и прежде всего в книге *Смысл творчества* (1916 г.). Почему наши рассуждения мы начали с Бердяева, если в заглавие доклада вынесено имя Вячеслава Иванова? Это сделано сознательно и не без причины. Бердяев – как мыслитель – диалогичен, это он неоднократно подчеркивал. Его мысль формируется как отклик на мысль Другого, его *свое* откликается на *чужое*, зачастую находит в нем свой источник и исток. Что касается персоналистической рефлексии и бердяевской пневматологии эпохи модернизма, то тут можно назвать два источника: это Федор Достоевский и Вячеслав Иванов. Вопрос о Достоевском мы пока оставим в стороне, и перейдем в Вячеславу Иванову. Итальянская переводчица поэта Ольга Синьорелли писала о нем следующим образом: «Душа его – трехструнная лира, которая звучит поэзией, религией и философией. В эмиграционный период в этом звучании, пожалуй голос философии проявился сильнее.» (Синьорелли, 2001: 491) Как автор книги о Достоевском, вышедшей на Западе в итальянский период его творчества, эссе о которой написал Габриэль Марсель (Визгин, 2011: 224-226), Иванов является, по моему убеждению, родоначальником идеи о личности и философии личности в начале XX века. В этом смысле он опережает не только Бердяева (инспирируя его), но и рефлексию западных мыслителей, т.е. Бубера и Марселя, с творчеством которых его мысль не только перекликается; с обоими философами Иванов был знаком лично или заочно через известную *Переписку из двух углов*, ставшую событием на Западе.

Основы персоналистической мысли Иванова (это мы знаем как факт уже отчасти исследованный (West, 1988), в частности, автором этих строк), заложены в его статье 1906/1907 гг. *Ты еси*. Именно в ней мы находим концепт Я-Ты отношения; притом он появляется у поэта в связи с вопросом, что такое я, подлинное Я во мне; этот вопрос присутствует и в других ранних статьях поэта, в известном стихотворении из цикла

Прозрачность – Fio, ergo non sum, в письме Брюсову 1906 г. (Брюсов, 1976: 492), где ставится проблема о тождестве человеческого я в соотношении с формулой *Я semper idem* (Я всегда тот же, хотя и подвергнут потоку времени) (Цимборска-Лебода, 2019). В этой же статье *Ты еси* ответ на вопрос о сущности нашего я как раз и соотносится с категорией *Ты*, понимаемой в двух ее измерениях: горизонтальном (наш эмпирический ближний) и вертикальном (Бог). Человек, по Иванову, существует не только в горизонтали, но главным образом, «взят по вертикали, в его свободном росте вглубь и высь». Первое письмо Михаилу Гершензону в вышеупомянутой переписке касается вертикального Ты: «Ибо Бог на вертикали Человека», как утверждал поэт в своем более раннем сочинении (Иванов, 1974: 614). В письме же развивается идея о том, что есть личность и что без соотношения Я-Ты, без общения с «вечно высшим» – личности нет (Иванов, Гершензон, 1979: 384).

Является ли абсолютно новой эта мысль Иванова, его формула «Ты еси», «Es, ergo sum», имеющая следующее дополнение: «воистину ТЫ ЕСИ и поэтому есмь аз». «Ты существуешь и потому есмь я сам. Твоим бытием я подтверждаю свое бытие.» (Иванов, 1979: 447; Иванов, 1987: 502). Поставим еще раз вопрос: новая или нет эта формула? С номиналистской (в философском смысле слова) точки зрения, конечно, да. С реалистической точки зрения (отсылающей к категории философски понятого реализма), и да, и нет. Ибо она подсказана творчеством Достоевского, что Иванов неоднократно констатирует сам (Иванов, 1987: 502). Однако подчеркнем слово подсказана. Учтем еще другого автора, которому Иванов обязан – это несомненно Владимир Соловьев. Именно он устанавливает абсолютную, безусловную ценность Другого, пишет о необходимости утверждения Другого и потребности быть в отношении с ним. (Соловьев, 1981: 115-116; Цимборска-Лебода, 2005: 30.) И все же Соловьев говорит о Другом и другости (Другой должен быть утверждён нашим я в своей абсолютной инаковости), но не говорит о том, что Другой это Ты. Получается, что концепт Я-Ты отношение это все же новая формула – и именно Иванова. Другой не обязательно должен быть и являться для нас Ты, он может быть для нас просто *он, она, оно*. На этом различии фундаментальных слов *Ты* и *Оно*, т.е. субъектных и объектных отношений поставлена вышеупомянутая книга Бубера *Я и Ты*. Габриэль Марсель, чья мысль вращается вокруг вопроса о Ты (о чем далее), подчеркивал великое значение размеживания «Я-Ты» и «Я-Оно» у Бубера. По его мнению, Бубер указал на угрозу потери целостности человека в технократическом мире, приводящем к ослаблению Я-Ты отношения и «созерцания Ты». Он утверждал: «европейский мыслитель пошел гораздо дальше в освещении структурных аспектов этой фундаментальной человеческой ситуации» (цит. по Померанц, 1999: 8). Сам же Бубер об этом писал следующее: «*Оно* – куколка, Ты – бабочка». Оно – определяет вещное отношение, Ты – личное, духовное! Отсюда знаменитая фраза его книги: «В начале [есть] отношение. (...) Отношение есть взаимность. Мое Ты воздействует на меня, как и я воздействую на него» (Бубер, 1999: 35, 34).

С этой книгой и самим Бубером Иванов познакомился в Италии. О их связи и понимании свидетельствует переписка двух мыслителей, начавшаяся в 1926 г., а также письма Вяч. Иванова своим детям (сыну – Дмитрию и дочери Лидии). Отметим некоторые моменты из переписки поэта с автором книги *Царство Божие*, профессором

религиоведения во Франкфуртском университете (на его лекции приходили и христиане). Так в письме 1926 г. из Павии, упоминая о незабываемой встрече с Бубером, и благодаря его за присланные книги, поэт выражает особую благодарность за «столь родственную мне по духу книгу „Я и Ты”» (Переписка Вяч. Иванова, 2008: 330). В письме же 1934 г. в связи с рефлексией о вопрошании совести поэт отмечает: «Мы с Вами оба так часто соприкасаемся в трактовке проблемы „Ты”» (Там же: 333). Добавим, что речь идет о переписке русского поэта с «еврейским» философом в период, когда в Германии зарождается нацизм (Буберу скоро будет необходимо покинуть Германию), угрожающий человеческой личности. Отсюда у Бубера, как и у уже упоминаемого Бердяева, с которым он познакомился как участник Встреч (философов) во французском Pontigny, ставится проблема зла в жизни человека. А решение этой проблемы у Бубера может быть соотнесено с ее трактовкой у Иванова, ибо связывается с жизнью личности. Ср.: «Мой ответ на вопрос об исходном пункте борьбы [со злом] был значительно более сжатым [чем у Бердяева], он гласил: начинать борьбу следует в собственной душе – все остальное может следовать только отсюда» (Бубер, 1999: 163).

Этот исторический контекст, обуславливающий выбор и постановку философских вопросов, должен быть учтен как значащий для понимания философско-критических эссе Иванова, возникших в римский период, таких как *Размышления об установках современного духа* (1934 г.) и *Anima* (1935 г.). Первая из них является диалогическим обзором современных умственных и духовных европейских течений, указывает на кризис европейского сознания и «болезнь духа»; называет «духовной дезориентацией» умосостояние большинства наших современников» (Иванов, 1979: 473). Но прежде всего важно то, что статья писалась в защиту личности и личностных отношений. Притом содержащаяся там концепция Я-Ты отношения может быть оценена в своем гуманистическом измерении именно в свете понимания этого концепта у Бубера, в том числе в соответствии с его работой *Затмение Бога*. Приведем лишь одну выдержку из книги, созвучной ивановскому толкованию формулы Ницше о смерти Бога, т.е. о том, что «Бог был убит человеком» (Иванов, 1979: 477, 482). Слова Бубера знаменательны: «Помрачение небесного света, затмение Бога – вот действительная особенность этого часа мировой истории, в котором мы живем» (Бубер, 1999: 455). Тем самым и Иванов, и Бубер ведут свой диалог с современностью, ставя диагноз о духовном состоянии эпохи. «Экстремисты провозгласили коллективизм как идеал будущего человека *urbī et orbī* (...). Чтобы не оказаться растертым в пыль мертвых душ, в туманность атомов без „я”, мы должны оживлять личность» –, пишет Иванов (Иванов, 1979: 484).

Поэт говорит об атомизации общества и личности, их дезинтеграции, учитывая три плоскости Я-ТЫ отношения, на которые в своей книге указывал Бубер, акцентируя мысль, что каждая из них должна быть связана с жизнью духа (Бубер, 1999: 271-272). Словно переключаясь с его мыслью, в IX письме *Переписки из двух углов* Иванов характеризует эпоху – как век «окончательного затвора и замурования духа в одиночной камере индивидуальной личности (...)» (Иванов, Гершензон, 1979: 403). В целом диагноз, поставленный Ивановым европейской культуре, также советской 30-х гг., и призыв к защите ценностей является созвучным двум констатациям, которые мы обнаруживаем у Бубера. Первую приводит сам Иванов в нижеследующем письме (детям). Сообщая сыну и дочери о сильном впечатлении, которое в нем вызвал Бубер –

«истинный израильтянин» – Иванов акцентирует его идею-веру в живого Бога-Творца, а также его представление о мире и человеке как Божьем Творении. И именно в связи с Бубером и его идеями, в продолжение ему, поэт выдвигает мысль, которая прозвучит и в статье 1934 г.: «Нужно Европе оздоровиться сердечною верою в Создателя и сознанием своей тварности» (Избранная переписка Вяч. Иванова, 2008: 331).

Вторую констатацию Бубера, созвучную установке Иванова в период эмиграции, находим в его работе *Диалог*. Он пишет об обязанности современного философа/человека входить в диалог с действительностью, «жить в диалоге» с ней, отвечая на ее этические запросы. Тем самым Бубер проецирует образец не вымышленного, а реального поведения, учитывающего «присутствие живущего рядом», тип социального Я-Ты отношения, проект подлинного человеческого общения (Бубер, 1999: 149-150). Думается, статья Иванова 1934 г., его письмо к молодому еврейскому исследователю Евсею Шору относительно актуальной ситуации в Европе (Сегал Д., Сегал (Рудник) Н., 2008), позволяет нам полагать, что философско-критическое творчество поэта следует этому образцу. В этом (и не только) плане Иванов соприкасается и с Габриэлем Марселем, к которому теперь нам подобает перейти.

Марсель, «первый метафизик» во Франции того времени, как о нем писал Иванову Шарль дю Бос, относился к творчеству поэта очень сочувственно; в 1930 г. написал предисловие к французскому переводу *Переписки из двух углов*, что подтверждают в частности письма того же Шарля дю Боса (The Correspondence, 2001: 518, 533). Близость двух персоналистов сказывается не только в их мышлении о категории Ты, но также в пределах их мировоззренческой и общественной позиции. Об этом свидетельствуют параллели между статьей Иванова *Размышления об установках современного духа* (адресованной современникам) и докладом Марселя *Замечания о современной арелигиозности*, прочитанном в 1938 г. в Сообществе христианских студентов (Marcel, 1998: 259-290). Оба мыслителя указывают на арелигиозность («богоотступничество») Европы как заболевание духа, имевшую свои последствия в десакрализации культуры, в сдвиге и переоценке ценностей – в сторону апологии техники, технического («насильственного») подхода к природному и человеческому миру («Технизированная природа» у Бубера). Утрата личностных Я-Ты отношений является, в восприятии Иванова и Марселя, очередным и пагубным итогом процесса десакрализации и технизации жизни. Поэтому философская мысль Марселя как раз и сосредоточена вокруг вопроса Я-Ты отношения и категории личности, как фундаменте христианской культуры: «Я всегда полагает себя перед лицом некоторого ты, для которого я сам также являюсь ты (...)» (Марсель, 2005: 256). Различая, подобно Буберу, категорию Ты (как полюс личности) и подчеркивая метафизическую важность понятия, а также категорию безличного он, Марсель отмечает, что существенное свойство личности – это «смело идти навстречу, выступая против (...) мужество – основное достоинство личности, тогда как он является полюсом любого избегания, всяческого отступления». «Суть личности (...) в том, чтобы оценивать, смело идти навстречу, брать на себя ответственность» (Марсель, 2004: 27, 89, 93). Так пишет Марсель в *Опыте конкретной философии*, в другой же работе, *Метафизическом дневнике*, определяя характер Я-Ты отношения и его основу – любовь, философ отмечает, что «любовь не имеет отношения к объекту и форме он» (Марсель, 2005: 382). Любовь, как искусство,

является откровением и даром – даром для Другого, для Ты. Этого нет в ситуации, исключаящей Я-Ты отношение. «Но в чистом отношении *он* речи быть не может о даре (...)» (Марсель, 2005: 255). Отсюда, у Марселя важность идеи абсолютного Ты, «Бог – это абсолютное *ты*, которое никогда не может стать *он*.» (Там же: 243) Как соучастник диалога с безбожием современного мира, с безличием *он*, философ говорит об утрате ясного сознания той фундаментальной связи, как симптоме времени, «которая с давних времен характеризовала *homo religiosus*». Упразднение религиозной связи (затмение Бога у Бубера) имеет своим итогом отказ мыслить жизнь как целостную духовную реальность (Марсель, 2004: 75). Это положение созвучно мысли Иванова, который понимает религию в этимологическом значении слова (*religio* есть связь), видит ее основанием целостности личностного и общественного сознания (Иванов, 1979: 360). В этом плане поэт является наследником Соловьева, полагавшего, что «безусловное первоначало и источник всякого бытия есть абсолютная целость всего сущего, т.е. Бог» (Соловьев, 1896: 75).

Бог как абсолютное (*чистое*) и личное Ты – это общий момент в аксиологическом мышлении Иванова и Марселя – в их шкале ценностей. Мысль обоих философов, говоря словами Марселя, «намагничена христианством». Подобно Иванову, Марсель был озабочен расколотым европейским миром, которому стала чуждой *мистерия света*, и в котором технические, материальные ценности (уничтожая саму духовную реальность) угрожали духовным, нуждающимся в защите (Marcel, 1998: 273-277).

Похожее находим у Иванова; заключительные слова его статьи 1934 г. ставят поэта в ситуации защитника ценностей, связанных с жизнью человеческого духа. Именно в такой роли воспринимался Иванов западными мыслителями, уже как соавтор *Переписки из двух углов*. Приобщаясь его позиции, Шарль дю Бос писал ему в письме (The Correspondence, 2001: 510) об их общей миссии *d'avocati Dei* – миссии защиты божественного в душе человека. Этот контекст проясняют слова Иванова, прозвучавшие в статье в качестве призыва: «Теперешнее время требует особой заботы об *Anima*». И далее: «Единственно верный путь есть путь духа. Поэтому благотворно искать ориентацию в вещах духовных» (Иванов, 1979: 483-484). Для Иванова, аналогично как для Бубера и Марселя, духовная ориентация дает возможность воцеления личности, благодаря заботе о Психее, приобретения ее целостности (там же: 483). Она предохраняет от обезличения каждого отдельного человека и от утраты души в бытийном плане его существования (Marcel, 1998: 131). Не случайно, отрицаемому поэтом коллективизму библейского Легиона без «я» и без «ты», коммуна, которые в свое время приветствовал А. Белый, Иванов противопоставлял свой идеал соборности. Однако соборности особо понятой, означающей диалогическое общение и соединение личностей, взятых по горизонтали и по вертикали. В этой персоналистической, согласной общности каждая личность достигает совершенного раскрытия и самоопределения своей единственной, неповторимой и самобытной сущности. Она есть *слово* свободное и нужное, звучит разное и слышит слово Другого, как своего субъектного Ты, ибо все они внемят высшему Слову – Логосу (Иванов, 1979: 260).

Очевидно: Иванов дифференцирует коллектив и общность. В работе *Проблема человека* это различие попадает в поле заинтересованности также Мартина Бубера и получает толкование соответственное его мышлению о сущностном отношении

Я-Ты, в котором реализует себя личность. Так: «Общность есть там, где **совершается** общность. Коллективность основывается на органическом ослаблении личностного, общность – на его росте и подтверждении в стремлении друг другу» (Бубер, 1999: 154).

Отмечая одержимость коллективизмом в наше время, в мире «исторических катаклизмов», мыслитель полагает, что отправной точкой философской науки, откуда нужно двигаться, во-первых, есть [движение] к обновленному пониманию личности, во-вторых, к обновленному пониманию общности (Бубер, 1999: 299). В указанной работе философ противопоставляет и характеризует два различных мировоззрения: индивидуализм и коллективизм. В рамках индивидуализма человек отваживается принять свою ситуацию «бездомности и одиночества, подчиненного природе индивида, растворить ее в универсальной *amor fati*. В пределах современного же коллективизма «личность без остатка растворяется в одном из современных групповых образований». Существенное последствие этой ситуации есть подчинение «целому». Однако подчинение не есть *связь*, скорее это выравненная «связанность индивида рядом с индивидом»; она исключает сущностное отношение, т.е. такое, в котором сущность одного человека вступает в связь с сущностью другого (Бубер, 1999: 153, 260). Подчинение не есть «соединение человека с человеком. Человек в коллективе – это не человек с человеком (...). Пресловутое «целое» с его претензиями на обладание цельностью каждого человека последовательно и тесно добивается редукции, нейтрализации, обесценивания и обмерщания всех связей с жизнью. Та нежная поверхность личностного существа, что нуждалась в контакте с другим существом, постепенно мертвеет и теряет чувствительность. Изоляция человека не преодолевается, а заглушеывается» (Бубер, 1999: 295). При этом Бубер отмечает еще одну угрозу или последствие, связанное с установкой коллективизма – это утрата человеком себя, своей духовной самости. «Современный коллективизм – это последний заслон, которым человек отгородился от неизбежности встречи с самим собой». Встреча с самим собой, по мнению Бубера, может совершаться лишь в том случае, когда личность «узнает Другого во всей его инаковости, как самого себя, т.е. как человека, и прорвется к этому Другому извне (...» (там же: 296). Причастность к Другому как Ты и его сущности открывает путь к самому себе. Как утверждал Иванов: *Es, ergo sum*.

REFERENCES

- Бердяев, Н. (1939). *О рабстве и свободе человека*. Paris: YMCA-PRESS.
- Бубер, М. (1999). *Два образа веры*. М.: АСТ.
- Валерий Брюсов. Переписка с Вяч. Ивановым (1903-1923), (1976). Перисловие к пуб. С.С. Гречишкина, Н.В. Котрелева и А.В. Лаврова. *Литературное наследство*, т. 8 5. М.: Изд. Наука.
- Быстров, В. (2005). Введение. В Марсель Г., *Метафизический дневник*. СПб.: Наука.
- Визгин, В. (2011). Габриэль Марсель и русская философия. *Семинар Русская философия (Традиция и современность). 2004-2009*. М.: Русский путь.
- Иванов, Вяч., Гершензон, М. (1979). Переписка из двух углов. Иванов, Вяч. *Собрание сочинений в IV томах*. Т. III. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien.

- Иванов, Вяч. (1979). *Собрание сочинений в IV томах*. Т. III. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien.
- Иванов, Д. (1989). Мартин Бубер и Вячеслав Иванов. *Russian Literature and History: In Honour of Professor I. Serman*. Jerusalem.
- Марсель, Г. (2004). *Опыт конкретной философии*. Пер. В. Большакова, коммент. В. Визгина. М.: Республика.
- Избранная переписка Вяч. Иванова с сыном Дмитрием и дочерью Лидией, (2008). Вст. статья Ф. Лесур, пуб. А. Кондюрина и О. Фетисенко, коммент. С. Кульюс и А. Шишкина. *Символ*, №53-54.
- Переписка Вяч. Иванова с Мартином Бубером, (2008). Пред. к коммент. М. Вахтеля, пер. с немецкого М. Каменкович. *Символ*, №53-54.
- Сегал, Д. Сегал (Рудник), Н. (1994). Вячеслав Иванов и семья Шор (По материалам рукописного отдела Национальной университетской библиотеки в Иерусалиме). *Cahiers du Monde Russe*, Vol. XXXV (1-2).
- Синьорелли, О. (2001). Переписка Вяч. Иванова и О.И. Синьорелли. Пуб. Э. Гаретто. Русско-итальянский архив III. Вяч. Иванов – новые материалы. Ред. D. Rizzi и А. Шишкин, *Europa Orientalis Salerno*.
- Соловьев, В. (1991). *Философия искусства и литературная критика*. М.: Искусство.
- Соловьев, В. (1896). *Собрание сочинений*, Т. III. Санкт-Петербург: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение».
- Цимборска-Лебода, М. (2005). Вяч. Иванов и Вл. Соловьев: концепт любви и проблема Другого. *Владимир Соловьев и культура Серебряного века*. М.: Наука.
- Цимборска-Лебода, М. (2016). Еще об эротической утопии. Утопия идеальной личности: от Ролана Барта до Владимира Соловьева. Кризис утопии? *Смены эпох и их отражение в славянских литературах 20-го и 21-го столетий*. Ред. А. Мейер-Фраац и О. Сазончик, Harrassowitz Verlag, Wiesbaden: Die Welt der Slaven.
- Цимборска-Лебода, М. (2019). Я *semper idem* и/или «времяобъемлющее единство личности»: личность и время у Вячеслава Иванова и Семена Франка. (в печати *Slavia Orientalis*, №4).
- Шишкин, А. (2006). Французская литературная культура и Вячеслав Иванов. *Библиограф*. Выпуск 44. Изд. ассоциации Русский институт в Париже.
- The Correspondence of Viacheslav Ivanov and Charles du Bos (2001). Ed. by Julia Zarankin and Michael Wachtel. *Europa Orientalis. Archirio Italo-Russo II: Vjačeslav Ivanov – testi inediti*. A cura di Daniela Rizzi e Andrej Shishkin.
- Marcel, G.(1998). *Być i mieć*. Przeł. D. Eska. Warszawa: PAX.
- West, J. (1988). „Ty Esi?”. *Cultura e memoria*. Atti del terzo Simposio Internazionale dedicato a Vjaceslav Ivanov. I. A cura di Fausto Malcovati. Firenze: «La Nuova Italia» Editrice.